

Мой новый знакомый поведал свою грустную историю, что одинок уже несколько лет, жена, с которой душа в душу прожили почти полвека, умерла, а дети разъехались из отцовского дома и проводят редко. Когда Петрович вспомнил о супруге и о прежней жизни, лицо его неожиданно просветлело.

– Много работал, хорошо зарабатывал и, считай, своими руками построил дом, летнюю кухню и баньку. Провел газ, воду. Пил мало, только по праздникам. Главное, конечно, что мы с женой вырастили сына и дочь.

Он помолчал задумчиво, потом немного сбивчиво продолжил рассказ:

– Все обрушилось в один миг – сердечный приступ у моей Танюшки, обширный инфаркт. Я работал у одного селянина, она одна была дома. До этого никаких жалоб на сердце не было. Может, она мне не говорила, скрывала какие-то боли, симптомы, я не знаю, для меня это остается больным местом. Не сберег свою Танюшку, не усмотрел болезнь...

Петрович надолго замолчал. Медленно укладывал в ряды кирпичи и аккуратно замазывал швы раствором из глины, изредка просил меня что-то подать, принести. В обед я ему предложил перекусить. Он с благодарностью согласился. Мы сели под навесом. От рюмки водки он наотрез отказался. Рядом с беседкой росла акация, которая в ту пору буйно цвела и всю округу опьяняла сладким ароматом. Петрович воскликнул:

– Вот это запахи, весна и есть весна, жизнь совсем другая нежели зимой. Я люблю это время года, мы с Танюшкой-то как раз и познакомились весной. Помню все, как будто это было вчера. После армии я пошел в ученики к печнику, деду Афанасию. Жили мы бедно, мать работала дояркой, а колхозникам платили мало. Когда отец умер, мне было лет десять, мать одна поднимала детей.

Надо тебе заметить, что печь в селе – это все: и обогрев, и спальня для малых и старых, и, конечно же, все готовится в ней. У нас печка задымилась, мать пригласила Афанасия, а я ему помогал. Мастер был уже в летах и пригласил меня к себе в помощники. Проработал я с ним около пяти лет.

Однажды нас позвали в дом главного агронома. Был конец мая, цвела акация, кругом все зелено. Мешаю я во дворе раствор для кладки, вдруг открывается калитка, и во двор входит девушка, красивая такая, кареглазая. Встретились взглядами, и я обомлел. Ноги стали ватными. Мы стояли и смотрели друг на друга, ни слова не говоря.

– Миша, – услышал я голос хозяйки, – Танюшка приехала.

Она сбежала с крыльца и нежно обняла девушку. Следом вышел отец, поцеловал незнакомку, а нам сказал:

– Это дочь наша Танюшка. Она учится в пединституте на учителя, уже на четвертом курсе. Вот приехала на выходной.

И добавил, обращаясь к супруге:

– Мать, корми дочь с дороги.

Танюшка несколько раз выходила во двор, заходила в новый дом, и каждый раз наши глаза встречались. Щеки у нее пылали. Вечером она решила не ехать в город, о чем громко сказала матери, так, чтобы было слышно и нам. Намеревалась в клуб сходить.

Я работал как угорелый, деда загнал, успел все-таки домой смотаться, переодеться и за семь километров от дома в клуб прийти. После того как фильм закончился, мы увиделись на улице. Я предложил проводить ее домой. Ну, с тех пор и началась у нас с Танюшкой любовь на всю жизнь.

Родители ее были категорически против наших отношений. Кто я? Нищий печник, сказать стыдно. Она – без пяти минут учитель, высшее образование, богатые родители, не пара, мол, мы. Она красавица, я тоже молодой красивый был. Короче, целая история была, как в кино, прежде чем мы с ней поженились.

Петрович, немного помолчав, продолжил:

– Как быстро пролетает жизнь, день за днем, и уже семьдесят четыре. Когда Танюшка померла, небо надо мной обвалилось, перестали петь птицы, солнце я тоже не замечал, и до сих пор все не верится, как будто в плохом сне находишься и не можешь проснуться. В снах она ко мне приходит очень часто, и, ты знаешь, мы там с ней что-то делаем по хозяйству, и она все время просит меня, чтоб я делал добро людям. Ей, видно, это там очень нужно. Ты

не поверишь, но для меня сейчас главное – выполнять ее просьбу. Тоскую я по Танюшке своей сильно, но говорят, тоска – грех.

– В церковь ходите? – спросил я.

– Хожу, конечно, и на кладбище хожу. В церковь сходишь – легче становится, а на кладбище побудешь, еще тяжелее на сердце.

От тоски меня спасает только работа да внучата. Встаю в шесть утра, завтракаю, велосипед в руки – и пошел по свалкам стройматериалов, заброшенным стройкам. Свою собранное на дачу, которую купил по дешевке для внучки. Рассчитываю еще, дай Бог, кое-что перестроить, я ведь все умею. Раньше свозил на пустырь, чтобы дачники брали оттуда куски металла, реек, брусьев, кирпичи. Ведь в основном это небогатые люди, пенсионеры, живут огородами...

Поблагодарив за чай, Петрович вернулся к работе. Но тут выяснилось, что для завершения необходимы еще кирпичи. Мы сели в автомобиль и отправились на обычную свалку. Из травы печник вытащил два блока и сказал: это то, что нам нужно. И действительно, все подошло.

Поведал мне Петрович такую байку.

Приходит печник класть печку к скупому хозяину и видит, что тот торгуется, чтобы цену снизить, обедать не предлагает, рюмку не наливает. Тогда печник наказывает такого хозяина. В конце работы при выводе трубы из чердака на крышу закладывает пустую бутылку с разбитым доннышком, и когда дня через два-три хозяин затопит печь, то в избе стоит такой свист, что находится в ней страшно. Тот, конечно же, бежит к мастеру и просит устранить свист. Печник наговорит ему страхов о нечистой силе и предложит хозяину сходить в церковь, внести пожертвование и позвать батюшку освятить новую печь. Сам же осмотрит еще раз дымоходы, трубу и незаметно уберет бутылку.

Мне стало любопытно, а приходилось ли Петровичу так же наказывать скупых хозяев в реальной жизни? Он улыбнулся: «Бог с тобой, может быть, это в далекой старине было».

Я заметил, что улыбка у Петровича добрая и такая мудрая, что сам он невольно располагает к себе. Называл я его на «Вы» не только